

Алексей Митрофанов
Ордынка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Ордынка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Ордынка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909186-4

Эта улица тиха, провинциальна и загадочна. Она скупа на настоящее, она — вся в прошлом. Невысокие старые домики на самой улице, и такие же — в отходящих от нее уютных переулках. Московский дух здесь, как ни странно, сохранился, и почувствовать его совсем не сложно.

ISBN 978-5-44-909186-4

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

Школьный учитель Рахманинов	6
Листов завод	9
Резиденция господина посла	11
Подворье господина Кокорева	17
Ягодный торг на Болоте	19
Дом, где ходил идиот	23
Большой купол	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ордынка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-9186-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странное название у этой улицы. Ведь монголо-татарские орды – скорее трагедия нашего города, да и нашей страны. И уж никак не достижение, никак не светлая страница отечественной истории. Так зачем совершать этот странный поступок? Зачем называть улицу в честь орды? Да еще добавлять, что Ордынка – большая?

В действительности, все довольно просто и совсем не страшно. С тем, что Большая – в общем-то, понятно сразу. Просто есть еще и Малая Ордынка, она проходит слева от Большой (если стоять спиной к Кремлю).

С Ордынкой дело обстоит сложнее, но, опять же, в рамках постигаемого. Улица получила свое название по вполне понятной причине – здесь проходила дорога в Золотую Орду. И, конечно, селились «ордынцы». А «ордынцами» звали татаро-монгольских послов.

Тут и сегодня немало посольств – к примеру, Кыргызстана (бывшее постпредство Киргизской ССР). А также Руанды, Мавритании, Кении, Гвинеи-Бисау и Израиля.

Эта улица тиха, провинциальна и загадочна. Она скупа на настоящее, она – вся в прошлом. Невысокие старые домики на самой улице, и такие же – в отходящих от нее уютных переулках. Писатель А. Пазухин наслаждался: «Между Полянкой и Ордынкой расположены очень уютные и весьма тихие переулки, похожие на безлюдные улицы наших провинций и населенные преимущественно средним купечеством, которое имеет там свои дома, переходящие из рода в род и большею частью похожие один на другой если не наружным видом, то расположением комнат, двором и характером обстановки. Чистый двор с сарайчиками и амбарами, с резной решеткой, отделяющей двор от сада, с конурой цепного пса, всегда сытого и всегда сердитого, с колодцем под узорным навесом, с путешествующими по двору курами под предводительством важного петуха. Комнаты в доме уютны, с запахом деревянного масла и вечно цветущего жасмина, с портретами в гостиной „самого“ и „самой“ в золоченых рамах, с мезонином или антресолями, где обыкновенно живут „барышни“ – те беленькие, румяньенькие барышни, которых всегда встретишь в замоскворецких церквях, нарядно одетых и бросающих боязливые взоры на молодых людей непрекрасного пола вообще, а на носящих военный мундир в особенности».

Конечно, с того времени многое изменилось. Но московский дух здесь, как ни странно, сохранился, и почувствовать его совсем не сложно.

Школьный учитель Рахманинов

Усадебный дом (Софийская набережная, 8) построен в конце XVIII века.

Официально улица Ордынка начинается от Малого Москворецкого моста, сооруженного над Водоотводным каналом, отделяющим Замоскворечье от так называемого Острова. Но, фактически, улица начинается от Большого Москворецкого моста, протянутого над рекой Москвой. А если быть еще точнее – от Софийской набережной.

Первая же достопримечательность на этой набережной – бывшее Мариинское училище. Оно располагалось в здании бывшей усадьбы генерал-майора А. Дурасова и почиталось как одно из лучших в городе Москве. В нем воспитывалось около трех сотен девушек, в большинстве своем дворянского происхождения. Кстати, здание было куплено в 1860 году специально для училища. В те времена подобной роскошью могло похвастаться отнюдь не каждое учебное учреждение – аренда была все-таки доступнее.

Образование давали основательное – каждая девица обучалась восемь лет. Преподавательский состав был, разумеется, на высоте – в частности, преподавателем музыки здесь служил сам Рахманинов. Одна из учениц писала: «Московское Мариинское училище было учебным заведением полузакрытого типа. Часть воспитанниц жила в училище, другая же часть была приходящей. В 1896 году я поступила в училище и в том же году, если не ошибаюсь, в первый раз увидела Сергея Васильевича Рахманинова. Спокойной, медлительной походкой входил он в класс, садился за стол... Затем, опустив голову на руки, на пальцы, вызывал ученицу... Желая, чтобы ученица называла, скажем, интервалы в восходящем направлении, он, по-прежнему не глядя на нее и опустив голову, показывал движением первого пальца справа, какой интервал нужно было назвать.

– А теперь обратно домой, – говорил он. И палец двигался в левую сторону.

Своим детским сердцем я чувствовала, что передо мной сидит большой человек и стыдно не знать урока.

...В училище ежегодно устраивался в пятницу на шестой неделе Великого поста большой публичный отчетный концерт или, как он у нас назывался, акт, собиравший всегда полный зал... Теперь, когда прошло столько лет и этот гениальный человек известен всему миру, трудно себе представить, что наш скромный хор воспитанниц пел под его изумительный аккомпанемент... Однажды, помню, приехал к нам с профессором Александром Борисовичем Гольденвейзером. Они играли на двух роялях первую сюиту Рахманинова. Музыка эта привела нас в восторг. В особенности последняя часть, в которой чудесно звучит тема праздника на фоне колокольного звона».

Казалось бы, после такого обучения можно бы в университете лекции читать. Или, как минимум, в консерватории. Так нет же – выпускницы становились гувернантками. Дело в том, что училище было благотворительным, и у выпускниц не было средств для независимого и достойного существования.

При всем при этом обучение было платным. Реклама сообщала: «Мариинское женское училище, Софийская наб. Окончившие курс получают права домашних учительниц. Принимаются девицы всех сословий христианского вероисповедания. Курс 8-летний. В младший класс принимаются до 10 лет. Приходящие за плату 40 рублей в год получают горячий завтрак. В 1913 году открыто словесное отделение педагогического класса, куда поступают без экзамена окончившие гимназии и институты ведомства императрицы Марии и, с проверочными экзаменами, окончившие гимназии Министерства народного просвещения. Годовая плата за обучение 100 руб. в год с 1 по 4 класс и 120 руб. с остальных. За содержание в пансионе 300 руб.

Сверх того вносят на первоначальное обзаведение 65 руб., а приходящие на пополнение библиотеки 10 руб. Желающие обучаться музыке платят 60 руб. в год».

И тем не менее, желающих учиться в этом заведении было предостаточно.

* * *

Традиция продолжилась. При советской власти здесь открылась школа, в которой, среди прочих, обучались дети привилегированных родителей – обитатели «Дома на набережной». Один из учащихся школы М. Коршунов вспоминал в книге «Тайна тайн московских» (в соавторстве со своей супругой Викторией Тереховой): «В солнечный день мы влезали на старенькую и очень домашнюю крышу и грелись у старенькой стены. Сидели, как где-нибудь на лесной опушке. По крыше бродили голуби, прыгали вечно пыльные воробьи. Мы подкармливали их хлебными припасами, прихваченными в школьном буфете на первом этаже. В желобке крыши валялись старые чернильницы, обломки деревянных линеек, огрызки карандашей, измученные, настрадавшиеся тряпки, которыми некогда вытирали школьные доски, короче – отходы образования.

Мы сидели, лениво перебрасываясь ничего не значащими словами. Дремотно, покойно, уютно. Нас никто ниоткуда не видел, а мы видели внутренний сельского вида двор, сложенные на нем дрова, кучу угля, круглые плетеные корзины, летом – зеленую лужайку. Там на занятиях по военному делу мы метали свои первые учебные гранаты и атаковали дрова, как вражеские укрепления».

Похоже, больше не было в Москве таких уютных школ с такими человеческими традициями. И, разумеется, учителя были подстать: «Василий Тихонович не только успевал просто и понятно объяснять новую тему, новый материал, но еще и проходить с нами задачки. Слово «задачки» было у нашего физика любимым. Перед началом урока спрашивал:

– Кто и сколько решил дома задачек? Кто только одну?

Надо было честно поднять руку.

– Кто две? Кто три? Кто все?

Решить все задачки считалось самым почетным, конечно. Если попадалась очень сложная, не под силу даже таким специалистам, как Рэм Меркулов, то решали всем классом. Василий Тихонович никого лично не перепроверял – кто и сколько решил – и выставлял отметки «по нашим показаниям». Отметки у него были «превосходные» и «непревосходные», это помимо официальных. Мы никогда не обманывали нашего физика, никогда не списывали – гордились доверием, и если дома кто-то, вместо того чтобы работать, решать задачки, просто стоял и стенку подпирал, то открыто в этом признавался. Василий Тихонович нам втолковывал, что ложь из маленькой очень легко и просто вырастает в большую, по-настоящему опасную, граничащую где-то уже с клеветой... Учитель прекрасно понимал, из какого дома в основном сидели перед ним ученики, и он учил нас не только физике, но чистоте помыслов при достаточно больших, а иногда и огромных возможностях... Другой наш любимый учитель, Додик-литератор, гений и новатор, не только вел литературу, а занимался с нами русским языком, как говорится, по доброй воле. Не терпел безграмотности. Если после очередного сочинения мы в очередной раз демонстрировали изумляющее человечество «грамматическое бескультурье», он обрушивал на нас серию совершенно бесчеловечных диктантов. Оставался заниматься с нами дополнительно. Мы с Олегом частенько отсиживали дополнительные «русские уроки». Осень, за окном смеркается уныло так, все грамотные давно уже дома, а мы, безграмотные, сидим в классе и сражаемся с причастными и деепричастными оборотами, двойными согласными, безударными гласными, чередованиями и окончаниями... Давид Яковлевич учил нас не только правописанию, но и языковой культуре, заставлял пользоваться справочниками, сборниками критических статей, и мы сидели за партами, обложившись десятками книг».

Удивительно, что и ученики прекрасно понимали свою будущую «миссию» – и совершенно осознанно повышали свой уровень грамотности, образованности и культуры.

А «рояль Рахманинова» почитался как большая достопримечательность.

* * *

Кстати говоря, именно эта местность более всего страдала от московских наводнений. Трудно в такое поверить, однако раньше Москву заливало очень часто. Разумеется, весной, во время паводка. Крупнейшая же из подобных катастроф прихлась на 1908 год.

Разумеется, больше всего это касалось тех районов, которые находились поблизости от Москвы-реки. Чуть меньше наводнение сказывалось на набережных Яузы. А территория между Москвой-рекою и Отводным каналом, так называемый остров вообще превращался в этакую Венецию. Его полностью заливало.

Зрелище было красивым. Москвичи передвигались по родному городу на лодках или же плотах. Из окон ловили рыбу. Выгнутые мостики становились островами. Потрясающе!

Однако бед было гораздо больше. Подмывались фундаменты. Полностью уничтожались деревянные и каменные мостовые. Деревянные домики просто сносило. Из магазинов и со складов в неизвестном направлении уплывали товары. Разумеется, ничего не оставалось от садов и огородов, которые так любили и лелеяли москвичи.

В наводнение 1908 года было затоплено 16 квадратных километров городской территории. Общая длина улиц, оказавшихся под водой, составила около 100 километров. На Кремлевской набережной уровень реки поднялся на два с половиной метра. Разумеется, древней крепости это не угрожало, но все равно смотрелось жутковато. Так или иначе из-за этого наводнения пострадало 160 тысяч москвичей – каждый десятый житель города.

Последний раз такое бедствие случилось в 1930 году. Правда, с меньшим ущербом. После этого за дело взялись всерьез, укрепили набережные, построили всяческие гидротехнические приспособления. И теперь московское наводнение может разве что присниться.

Листов завод

Заводской комплекс Листа (Софийская набережная, 12) построен в 1873 году.

Все началось в 1863 году, когда купец первой гильдии Густав Лист открыл на улице Петровке маленькую мастерскую, производящую пожарный инвентарь – в первую очередь насосы и сосисы (так в те времена называли пожарные шланги). Прошло одиннадцать лет, и Лист перевел производство на Софийскую набережную. Можно сказать, не по собственной воле – его пожарная мастерская сгорела, тем самым косвенно подтвердив целесообразность данного промысла в Москве. К счастью, деньги к тому времени у Листа появились, и он открыл уже не скромненькую мастерскую, а вполне себе завод. Ворота же украсили скульптуры литейщика и кузнеца.

Лист, не долго думая, назвал завод Софийским (было, впрочем, и другое имя – «Густав Лист»). И поселился при нем сам.

Уклад здесь был полусемейный. По праздникам в доме самого Листа устраивались концерты – силами самих сотрудников противопожарного предприятия. За полчаса до начала смены, ежедневно каждому рабочему давали чай с хлебом и сахаром. Это преследовало сразу две цели – во-первых, подкрепить работника перед тяжелым днем, а во-вторых, создать некую атмосферу общности.

Впрочем, являться к утреннему чаю было совсем не обязательно.

Заказчики шли к Листу нескончаемым потоком. Заявки начинали с льстивых предисловий: «Екатеринославская губернская земская управа сим удостоверяет, что приобретенные за период 1876—1897 годы пожарные насосы в количестве 986 штук для сельских обществ и земледельцев оказались во всем исправными и доброкачественными».

Или: «Милостивый государь, Густав Иванович! Комиссия Военного ведомства пришла к заключению, что механический завод „Густав Лист“ изготавливает ручные и паровые насосы отличные по прочности, хорошей конструкции и тщательной отделки».

Производство развивалось. К революции на листовском заводе насчитывалось 1600 рабочих. Очень кстати были именно заказы от военных – всю шла Первая мировая. А вот революция пришлась совсем не кстати – завод национализировали.

Кстати, сами рабочие этому в свое время способствовали – в 1899 году здесь распространилась первомайская листовка, написанная не кем-нибудь, а будущим наркомом просвещения Луначарским. А в революцию рабочие и вовсе присоединились к армии восставших. Первый советский директор завода писал: «В 1917 году завод Г. Листа насчитывал около 1600 рабочих, причем большинство членов партии были твердыми большевиками. Замоскворецкий РК РСДРП (б) командировал сюда политическим руководителем К. В. Островитянова, впоследствии академика. Стратегическое положение завода напротив Кремля – центра сопротивления белогвардейцев – диктовало тактику боя. Заводское вооруженное формирование под руководством Н. В. Федорова держало оборону Москворецкого моста и набережных Замоскворечья. После удачного прорыва на левую сторону Москвы-реки ожесточенные бои развернулись на Остоженке за Провиантские склады».

Словно желая отыгаться за два предыдущих пафосных названия, заводу дали имя весьма скромное: «Завод №5». Правда, потом его переименовали в «Гидрофилтър», а затем и в «Красный факел».

* * *

Кстати, иной раз завод, помимо воли, участвовал в жизни соседней школы. Уже упомянутый М. Коршунов писал: «Наша староста Зина Таранова сломала ногу. На классном собра-

нии неожиданно-негаданно кто-то выкликнул меня на должность временно исполняющего обязанности старосты. Очевидно, в этот обольстительный момент во мне шевельнулось тщеславие, дало свой каверзный дурманный росток, и я принял высокий пост, как говорится, без всякой ложной скромности. А Левка был в панике: он прекрасно понимал, что ни я, ни Олег, ни сам он не созданы для администрирования. Уже на ближайшем уроке немецкого языка возник скандал – уж очень мы не любили эту учительницу. Кличка – Спица. «...Истеричная, крикливая, злобная и придирчивая бестия». Это о ней Лева. А это – Юра: «Пишу я, бешенством объятый, немецкий – жизненный дефект. О будь вы сотни раз прокляты – Футурум, Презенс и Префект».

– Где ваш авторитет? – грозно обратилась ко мне Спица. – Класс разболтался, вышел у вас из подчинения. Сплошные безобразия! Keine Ordnung (Нет порядка).

Потом неожиданно загудел завод «Красный факел», рядом с нами.

– Кто гудит? – завопила Эсфирь Семеновна».

Резиденция господина посла

Особняк Харитоненко (Софийская набережная, 14) построен в 1893 году по проекту архитектора В. Залесского.

Харитоненко – фамилия купеческая. По меркам Москвы не сказать, чтобы древняя – лишь в середине девятнадцатого века основатель дела И. Г. Харитоненко решил заработать на сахарной свекле. И преуспел. К двадцатому столетию династия была одной из самых видных в городе. А родовой особняк – одним из самых знаменитых мест в Москве, где регулярно собирались любители искусств. Здесь пел Шаляпин, играл Скрябин, а на стенах были вывешены подлинники передвижников.

Князь С. Щербатов описывал это жилище: «Харитоненко обожал французскую живопись, но презирал современное искусство и считался в художественном мире «*vieux romprig*». Он тратил огромные деньги на крошечные Мэссонэ, потолок его гостиной был расписан Фламэнгом. Увлекался он и пейзажами Барбизонцев и лишь под конец жизни стал приобретать и русскую живопись.

Хотя к его собранию живописи передовые меценаты относились несколько свысока, но искренней, интимной, любви к картинам «для себя» в нем было больше, чем у них, и я очень ценил в нем эту искреннюю, подлинную любовь к своим приобретениям. Под конец жизни она вся излилась на собирание древних русских икон, которым увлекалась, более его самого, его жена Вера Андреевна... У Харитоненки я впервые познакомился с бывшим послушником Афонского монастыря и начинающим быть знаменитым художником Малявиным. Он писал большой портрет Павла Ивановича с сыном, писал он его странным способом, так как натурщики были нетерпеливые. Зарисовывая отдельно нос, глаза, рот, характерные особенности, он по этим документам составлял портрет на холсте. Вышло довольно неудачно.

Из роскошной гостиной с золоченой мебелью Обюссон, через залу, где на изысканном вечере, на эстраде, украшенной цветами, танцевала прима-балерина Гельцер, Харитоненко, по желанию моего отца, раз провел его и меня к своей матери, никогда не показывавшейся в обществе.

Сморщенная старушка, в черном повойнике, живой портрет Федотова или Перова, пила чай за своим самоваром в довольно скромной спальне с киотом и портретом рослого крестьянина в длиннополом сюртуке, ее покойного мужа, умнейшего сахарозаводчика и филантропа, создавшего все состояние Харитоненков».

Самые же колоритные воспоминания о доме Харитоненко оставила Т. А. Аксакова-Сиверс: «В Москве говорили: «Хари тоненьки, но карманы толстеньки». Карманы были действительно толстеньки, но и овалы лиц милейших Павла Ивановича и Веры Андреевны были скорее округлыми, чем тонкими. Это не мешало Павлу Ивановичу иметь свой приятный стиль; когда он, небольшого роста, плотный, с пушистыми усами, седыми волосами «щеточкой» и выпуклыми глазами стоял во фраке у подножья своей знаменитой, обитой гобеленами темно-дубовой лестницы и радушно принимал всю Москву, я всегда вспоминала «Кота в сапогах», который тоже принимал когда-то короля и маркиза Карабаса в вестибюле средневекового замка.

Вера Андреевна Харитоненко, несмотря на свое дворянское происхождение (она была дочерью курского помещика Бакеева), производила более простоватое впечатление, чем ее муж. Ходила она, переваливаясь с боку на бок, и заводила долгие тягучие разговоры, которые неизменно заканчивались словами: «Ну что вы на это скажете?» Собеседник обычно ничего не мог сказать, т.к. плохо следил за нитью разговора, и последний вопрос ставил его в тупик... В возрасте 12-ти лет я довольно часто бывала у Харитоненко по воскресеньям, бегала по всему

дому, играя в мяч с Ваней и его двоюродным братом Борисом Бакеевым, мальчиком нашего возраста с пепельными волосами, глазами ярко-голубого цвета и тонкими поджатыми губами. Борис был замкнут, себялюбив и, как мне казалось, тяготился своим положением бедного родственника... Несколькими годами позднее в доме Харитоненко образовалась компания молодежи, в которую я прочно вошла; для этой-то зеленой молодежи устраивались спектакли под режиссерством Москвина, пела Вера Панина, танцевала Гельцер, индийские факиры показывали умопомрачительные фокусы, на Рождество давались балы с цветами из Ниццы, а на Масленицу бывали блины и катания на тройках.

Харитоненко горячо откликались на все события русской жизни. В начале 1912 года капитан Седов приехал в Москву собирать средства на свою экспедицию к Северному полюсу. Павел Иванович первым подписал крупную сумму на оснащение «Святого Фоки». В честь Седова был устроен завтрак. Я сидела с входившим в нашу компанию Владимиром Долгоруковым и смеялась над его предположениями, что благодарный Седов назовет вновь открытые земли «Пашин нос», «Верина губа» и «Ванин перешеек».

Господа Харитоненко жили на широкую ногу. Каких только забав ни устраивали в этом особняке на радость друзьям-москвичам: «В Рождественский сочельник у Харитоненко устраивалась елка. В 9 часов вечера подавался ужин, причем под скатертью, по малороссийскому обычаю, лежал тонкий слой сена, поверх же скатерти – букеты фиалок и ветки мимозы.

Под салфеткой приглашенные находили какой-нибудь рождественский подарок. Девочки Клейнмихель и я, как наиболее любимые, находили обычно на тарелках замшевый футляр с какой-нибудь драгоценной безделушкой – чаще всего брошкой из мелких бриллиантов или уральских камней. В 1908 году я получила на елку золотой браслет с подвешенной к нему медалькой святой Цецилии, покровительницы музыки, работы парижского ювелира Бушера... У тех же Харитоненко мне пришлось много раз слышать Веру Панину; ее привозил брат Веры Андреевны – Сергей Андреевич Бакеев, у которого была с нею старая связь. Варвару Васильевну Панину обычно сопровождал ее аккомпаниатор Ганс с большой цитрой. Грузная и очень некрасивая, она садилась у стола, облакачивалась на него и начинала петь своим низким грудным голосом так, что у вас не оставалось в душе ни одного уголка, не затронутого этими звуками... В доме Харитоненко я участвовала в двух любительских спектаклях... Оба раза в качестве режиссера был приглашен Иван Михайлович Москвин. Думаю, что хозяевам эти затеи стоили очень дорого, т.к. иначе вряд ли Москвин согласился бы возиться с 16-летними актерами, не умеющими ни ступить, ни сесть на сцене».

Та же Аксакова-Сиверс описывала и сам особняк: «Дом Харитоненко был большой особняк из серого камня с подъездом внутри асфальтированного двора, отделенного от набережной Москвы-реки чугунной решеткой. Такой дом мог стоять и в Париже, и в Лондоне, но вид, открывавшийся из зеркальных окон его фасада, был неповторим. Прямо против окон развевалась панорама Кремля. Торжественные контуры соборов, башен, зубчатых стен, все то, что мы привыкли видеть в некотором отдалении, было тут как на ладони.

Внутреннее убранство дома было очень хорошо. Особенно славилась уже упомянутая мной широкая, отлогая лестница темного дуба в стиле английской готики. Поднималась она из обширного вестибюля, причем под ее первым пролетом находился самый уютный в доме закоулок – нечто вроде маленькой полутемной гостиной с низкими мягкими диванами, парчовыми подушками и оправленными в темную бронзу зеркалами. Свет на лестницу проникал через два больших витра; левое изображало охоту на дикого кабана, а правое – въезд рыцарей на площадь средневекового города. На верхней площадке по бокам большого камина стояли два достойных леди Макбет седалища под бархатными балдахинами с плоскими подушками, отделанными золотым галуном. Пол, стены и ступени – все было затянуто гобеленами и старинными тканями».

Словом, не дом, а музей.

* * *

После революции семейство, не особенно рассчитывая на скорейшее падение большевиков, убыло в эмиграцию. Здесь же разместились миссия Датского Красного Креста. С тех пор особняк так и пребывает в ведении министерства иностранных дел. После Красного Креста здание около десятилетия использовалось как гостевой дом Наркоминдела. В нем останавливались Арманд Хаммер и Герберт Уэллс. Последний писал: «Особняк для гостей правительства, где мы жили вместе с г. Вандерлипом и предприимчивым английским скульптором, каким-то образом попавшим в Москву, чтобы лепить бюсты Ленина и Троцкого, – большое, хорошо обставленное здание на Софийской набережной... расположенное напротив высокой кремлевской стены, за которой виднеются купола и башни этой крепости русских царей. Мы чувствовали себя здесь не так непринужденно, более изолированно, чем в Петрограде. Часовые, стоявшие у ворот, оберегали нас от случайных посетителей, в то время как в Петрограде ко мне мог зайти поговорить кто хотел. Г-н Вандерлип, по-видимому, жил там уже несколько недель и собирался пробыть еще столько же. С ним не было ни слуги, ни секретаря, ни переводчика... Подавая на стол, старик-слуга грустно глядел на наше скудное меню, вспоминая о тех великолепных днях, когда в этом доме останавливался Карузо и пел в одной из зал второго этажа перед самым избранным обществом Москвы».

Уэллс в общих чертах знал историю этого дома.

Самым же колоритным постояльцем был Энвер-паша, опальный военный начальник из Турции. Один из современников писал: «Были времена, когда жители дома находили Энвер-пашу несколько беспокойным, но, правда, волнующим компаньоном за столом. Так однажды, за едой, он взял бумагу и карандаш и стал рисовать портрет мистера Вандерлипа. В то время, когда он с жаром затушевывал густые черные брови своей натуры, у него сломался карандаш. Тут его застольные собеседники со страхом увидели, как он, яростно вскрикнув, внезапно выхватил из ножен огромный и опасно выглядевший кинжал. Все подались назад от ужаса. Зять калифа аккуратно заточил карандаш и после этого, вложив смертельное оружие в ножны, возобновил свое занятие».

В особняке появлялась и Айседора Дункан. Да еще как появлялась! Устроила целый скандал, да какой! Ирма Дункан (приемная дочь Айседоры и участница всех тех событий) писала: «Флоринский зашел узнать, не захочет ли Айседора пойти с ним на вечер, где должны присутствовать лидеры коммунистической партии. У него была машина, которая ждала на улице, чтобы доставить на вечер танцовщицу. Мысль о том, что она встретится лицом к лицу с великими людьми, которые сражались за революцию и установили новый порядок, привела ее в трепет. Она представляла себе, как она объясняла потом, что увидит идеалистов с просветленными лицами, одетых так, как одевались многие толстовцы, в простых крестьянских одеждах, и любовь к людям будет сиять подобно нимбу вокруг них. Поэтому она поспешила переодеться в то, что считала наиболее соответствующим такому случаю. Она скоро появилась в своей лучшей красной тунике, поверх которой задрапировалась в алую кашемировую шаль – ту самую, в которой она всегда танцевала свои революционные танцы, в частности „Марсельезу“... Вокруг головы она закрутила красный тюлевый шарф в виде чалмы. Затем, накинув на плечи плащ, она отправилась с Флоринским на свою первую встречу с коммунистическими лидерами».

Но реальность оказалась несколько иной: «Вечер давался в особняке Карахана (в то время заместителя наркома иностранных дел. – А.М.), который Клер Шеридан так хорошо описала в книге, рассказывающей о ее жизни в России. Этот дом, который стоит на южной стороне Москвы-реки и фасадом выходит на Кремль, когда-то принадлежал сахарному королю России и демонстрировал плохой вкус в убранстве интерьера.

Айседора, сияющая и взволнованная, явилась со своим эскортом в большой зал, декорированный и даже сверхдекорированный в стиле Людовика XV. За большим столом в центре зала сидели все товарищи, важные, довольные и хорошо одетые. Они слушали, бросая взгляды, выражавшие разную степень интереса, на даму, которая стояла у большого рояля и щебетала какую-то французскую пастораль:

Прелестная девчушка Фиалки продавала,
Те, что весенним утром Она сама сорвала.
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла,
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла!
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла,
Ла-ла, ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла!

Айседора едва верила своим ушам и глазам. Она переводила взгляд с певицы в вечернем платье на потолок с фигурами, движущимися в менуэте, в стиле псевдо-Ватто. Затем ее глаза отметили аляповатую позолоту в дурном вкусе; затем она взглянула на товарищей, сидящих вокруг и слушающих вокальную бессмыслицу, как любая группа преуспевающих граждан среднего класса в любом месте цивилизованного мира. Выступавшая закончила свою «Пастораль» и совсем было уж собралась начать «Галантную песню», когда оскорбленная танцовщица выступила на середину зала.

– Да вы соображаете что-нибудь! – вскричала она. – Выбросить буржуазию только для того, чтобы забрать себе ее дворцы и наслаждаться теми же нелепыми древностями, что и они, и в том же самом зале. И вы все сидите здесь, в этом месте, переполненном плохим искусством и меблированным в дурном тоне, слушая ту же безвкусную музыку. Ничего не изменилось. Вы просто захватили их дворцы. Сколько ни меняй, все то же выйдет. Вы сделали революцию, и вы должны были первым делом уничтожить все это ужасное наследие буржуазии. Но вы более Ироды, чем сам Ирод. Вы не революционеры. Вы буржуа в маске. Узурпаторы!

В гробовом молчании Айседора, как огнедышащий Ангел мщения в пылающем одеянии, выплыла из зала со своим изумленным эскортом. Когда она вышла, в зале поднялся переполох. Он утих только тогда, когда некоторые из наиболее важных лидеров, сидящих за столом, взглянув на дело по-новому, решили, что товарищ, приехавшая из-за границы, была не так уж не права. Но инцидент вызвал столько толков, что даже Луначарский отметил его в статье, которую он позже написал о танцовщице».

* * *

А в 1929 году тут разместилось посольство Великобритании. Что, кстати, здорово разнообразило жизнь учеников вышеупоминавшейся школы. Посольство представляло из себя большой соблазн. Кто-то из старшеклассников прогуливался перед воротами в цилиндре на голове, кто-то проникал на территорию посольства, а в качестве удостоверения личности на полном серьезе предъявлял логарифмическую линейку. Удержаться от подобных каверз было невозможно.

* * *

Рядом же, в доме Майтовых (более известном среди краеведов по другому владельцу как Бахрушинское подворье) устраивались знаменитые сеансы спиритизма. Предприниматель Н. А. Варенцов описывал одно из этих сборищ: «После обеда хозяин, Решетников и я пошли в гостиную и начали продолжать заниматься спиритизмом, остальные гости остались в столовой. Майтов положил на стол овальной формы из красивого дерева лист белой бумаги, сели вокруг этого стола, составив из рук цепь. В руке Решетникова находился карандаш, и все

молча углубились в ожидание. Карандаш скоро что-то начал писать, тогда Майтов обратился к мнимому духу с просьбой сообщить свое имя. Карандаш написал: «Мария». – «Как отчество?» – «Николаевна». – «Фамилия?» – «Самойленко». Последний вопрос повторялся три раза, так как фамилия Самойленко для нас всех троих была неизвестна, но ответ получался все тот же.

Тогда, после третьего переспроса, я вспомнил, что у меня была тетка Мария Николаевна Самойленко, которую я видел только в течение трех дней ее пребывания в Москве, когда она приехала из Варшавы, чтобы повидать своего отца, и остановилась у нас; она осталась у меня в памяти только из-за хорошего подарка, врученного мне при отъезде, я был тогда в возрасте шести-семи лет. Потом, когда мне исполнилось восемнадцать лет, мой дядя сказал мне: «Умерла моя сестра Мария Николаевна в Варшаве, в психиатрической больнице Св. Иисуса. Мне известно, – добавил он, – у ней остались средства, находящиеся в банке; наследниками этих денег являетесь вы и я, а потому не съездите ли вы в Варшаву и не узнаете ли все подробности?» Я поехал с одним из своих товарищей, поляком, едущим в то время по своим делам туда. Он мне рекомендовал какого-то адвоката, который навел справку и разузнал, что М. Н. Самойленко действительно была в больнице душевнобольных Св. Иисуса, скончалась, погребена на таком-то кладбище; скончалась она больше двух лет назад, и оставшиеся у ней деньги поступили в пользу города Варшавы в силу существующего закона. Подтвердил, что все ее деньги перешли на законном основании к городу и оспаривать это он не возьмется.

Вспомнив все это, я сказал моим компаньонам по сеансу: «Самойленко – это моя тетка, умершая двенадцать-тринадцать лет тому назад». После чего я задаю вопрос: «Как ты доводишься мне?» – «Твоя тетка!» – «Что тебе нужно?» – «Молитвы и милостыни!» – «Где умерла?» – «В Смоленске». Это сообщение ее уже было неверно: мне известно, что она скончалась в больнице Св. Иисуса и погребена в Варшаве. Переспросили несколько раз, и ответ получался: «В Смоленске». Зная ее отношения с братом Николаем Николаевичем, о которых часто мне рассказывала матушка, с которым, как говорила, она жила как кошка с собакой, с постоянными ссорами и неприятностями, я задал вопрос: «Что желаешь передать своему брату Николаю Николаевичу?» Карандаш с силой вырывается из рук Решетникова и ломается. Взяли другой. Опять задаем тот же вопрос. Карандаш опять вырывается из рук Решетникова и далеко падает от стола.

После чего встали из-за стола и протянули над ним руки. Стол быстро двинулся к двери и ударился в нее; его водворили на старое место, но только протянули руки, как он опять еще с большей силой подбежал к двери и ударился в нее. Гости из столовой, услышав шум и наши удивления, вошли в гостиную, но стол больше уже не двигался».

А потом начался настоящий детектив. Предприниматель Варенцов, заинтригованный неточностью сеанса – тем, что его тетка заявила, будто умерла в Смоленске – отправился в Варшаву, где жила его сестра. Вместе с сестрой они пошли в больницу Иисуса, расспросить монашек. И выяснилось, что в один прекрасный день тетка Самойленко сбежала из больницы. Обнаружив это, сестры милосердия сразу же приступили к поискам. На железнодорожном вокзале поиски увенчались успехом. Обнаружились свидетели, которые случайно видели, как некая странного вида дама, и притом без багажа, села в московский поезд.

Мобилизован был усиленный наряд сестричек. Они выходили на перрон на каждой станции, где останавливался упомянутый московский поезд. И в Смоленске нашлись новые свидетели – они рассказали, как некая странная дама вышла из поезда, взяла извозчика и направилась в центр Смоленска.

В скором времени нашли и самого извозчика. Тот указал меблированные комнаты, в которые отвез странную пассажирку. И уже в этих меблирашках выяснилось страшное – туда и вправду прибыла дама без документов и без багажа, но через день скончалась. Тело забрали и перевезли опять в Варшаву, где оно и было предано земле.

Таким образом вышло, что дух тетки не врал. Правда, и денег по наследству Варенцов не получил, а только на поездку поистратился.

Дом же впоследствии был продан В. Бахрушину. Продан за бесценок – всего-навсего за 140 тысяч рублей. Хотя незадолго до этого за дом предлагали значительно больше, а именно 300 тысяч рублей. Предприниматель Варенцов советовал тогда владельцам:

– Продайте, по-моему цена хорошая! Тем боле, что в доме вашем не имеется канализации и спускаются все нечистоты в поглощающие колодцы, а по городским обязательным постановлениям делать этого нельзя. Вас заставят сделать бетонированные ямы, и нечистоты придется вывозить, а это обойдется чрезвычайно дорого.

Майтовы его, однако, не послушались. И в результате здесь расположился «Дом бесплатных квартир для вдов с детьми и учащихся девиц имени братьев Бахрушиных» – благотворительное учреждение со школами, прачечной, баней и даже качелями.

Подворье господина Кокорева

Здание гостиницы «Кокоревское подворье» (Софийская набережная, 34) построено в 1860-е годы по проекту архитектора А. Васильева.

Род купцов Бахрушиных гораздо более известен, чем купцов же Кокоревых. Тем не менее, «Кокоревское подворье» на Софийской набережной несравненно известнее «Бахрушинского подворья» на Софийской набережной же.

Причина тому в обустройстве гостиницы Кокоревых. Отсюда – и престиж, и слава.

Нет, Василий Кокорев был не последний человек своей эпохи. Павел Бурыйшкин так писал о Кокореве в своем исследовании «Москва купеческая»: «Василий Александрович Кокорев был сын солигалического купца средней руки, торговавшего солью. Мать его была женщина редких качеств, и всю свою жизнь Кокорев внимательно слушал ее советы. Семья была старообрядческая, принадлежала к беспоповскому поморскому согласию, и Василий Александрович до конца дней своих остался верен верованию отцов. Получил он весьма малое образование, нигде не учился, кроме как у старообрядческих начетчиков, никакой школы не кончил. Рано начал он заниматься торговой деятельностью и на ней приобрел необходимую в жизни опытность. Отсутствие книжных знаний пополнил чтением и вошел в ряд людей глубокой культуры; был хорошим оратором, красочно и остроумно – со словечками – выражал свои мысли; обладал литературным талантом и оставил ряд трудов, из которых самый значительный носит название „Русская Правда“».

Деньги Кокорев тратил со вкусом. Среди его деяний – множество весьма разнообразных и вполне достойных. Тот же Бурыйшкин писал: «Ставши богатым человеком, Кокорев дал полный простор и своей энергии, и своей творческой инициативе. Он был одним из пионеров русской нефтяной промышленности, создав еще в 1857 году, в Сураханах, завод для извлечения из нефти осветительного масла, и Закавказское торговое товарищество, а впоследствии – Бакинское нефтяное общество. Он организует Волжско-Камский банк, сразу занявший видное место в русском финансовом мире; утверждает Северное страховое общество; строит в Москве знаменитое Кокоревское подворье, где имеется и гостиница, и торговые склады, – сооружение, которое стоило 21 миллиона, – цифра рекордная по тому времени; наконец, участвует в создании русского Общества пароходства и торговли.

Помимо своей деятельности в области народного хозяйства, Кокорев немало работал и в области общественной. Высшей точкой его общественной карьеры был год после Крымской войны. По совету Кокорева, во время Крымской войны откупа были сданы на новое четырехлетие без торгов, и это было временем наибольшего его значения. По окончании войны он обратил на себя внимание торжественной встречей, организованной черноморским морякам, приехавшим в Москву. Представители московского купечества в ноги кланялись защитникам Севастополя, а откуп разрешил героям три дня пить безданно и беспоплино...

Общее оживление и пробуждение общественного мнения после Крымской войны встретили в нем горячего сторонника. Над его либерализмом подсмеивались и в шутку называли его «русским Лафитом».

Поэт Н. Ф. Щербина находил, что на Кокорева нет и рифмы на русском языке, чтобы достойно воспеть его деяния. Но когда в первые годы царствования Александра II началось движение в пользу освобождения крестьян, – как это ни странно теперь, эту реформу нужно было пропагандировать, – он занял в ряду защитников отмены крепостного права одно из первых мест. На обеде в Английском клубе (1857) он произнес речь, напугавшую московского генерал-губернатора. Кроме того, издал ряд брошюр, в частности «Миллиард в тумане». Эта кличка так и осталась за ним в Москве».

Кроме того, господин Кокорев был знаменитым коллекционером. Тем не менее, Кокоревы не выбились в «ведущую пятерку» купеческих родов Москвы.

* * *

Гостиница была, однако, хороша. Пусть не дешевая, однако же престижная. Просторная, солидная, украшенная множеством наличников и арок. Было в ней при этом что-то романтическое, более того, загадочное. Чехов, к примеру, говорил в письме к приятелю, писателю Леонтьеву-Щеглову: «Вы опять в мрачном „Кокоревском подворье“. Это Эскориал, и Вы кончите тем, что станете Альбой. Вы юморист, по натуре человек жизнерадостный, вольный, Вам бы нужно жить в светленьком домике, с хорошенькой голубоглазой актриской, которая весь день пела бы Вам тарарабумбию, а Вы, наоборот, выбираете все унылые места вроде Кокоревки».

Впрочем, это место вовсе не было таким уж сверхъестественно унылым. Больше того – Чехов сам при случае там останавливался. А также Верещагин, Крамской, Репин, А. М. Васнецов, Чайковский, Мельников-Печерский, Мамин-Сибиряк и множество других, не менее маститых современников.

И, конечно же, важную роль играло местоположение гостиницы. Художник Верещагин вспоминал: «Задумав написать Наполеона, я выбрал именно Москву, потому что здесь завязан был узел нашествия на Россию двенадцати языков, здесь разыгралась самая страшная картина великой трагедии двенадцатого года. Я чувствовал необходимость бывать возможно чаще в стенах Кремля для того, чтобы восстанавливать себе картину нашествия, чтобы проникнуться тем чувством, которое дало бы мне возможность сказать правду о данном событии, правду, не прикрашенную, но такую, которая действовала бы неотразимо на чувство русского человека».

Находилась бы гостиница В. Кокорева где-нибудь на Пресне – вряд ли бы Верещагин выбрал именно ее. А так – строго напротив Кремля, лучшего и пожелать невозможно.

Впрочем, близость Кремля привлекала и тех, кому он не был нужен «по делу». Чайковский признавался: «Как у меня хорошо в гостинице! Я отворяю балкон и беспрестанно выхожу любоваться видом на Кремль».

Вид там и вправду был, что называется, на уровне.

Разве что бытописатель Н. Скавронский жаловался: «Хорошо бы, пожалуй, у Кокорева в гостинице у Москворецкого моста, да уж слишком русским духом пахнет, чересчур!»

Но не для всех это было препятствием.

Правда, со временем дела у Кокорева пошли на спад, он продал гостиницу новым хозяевам, которые назвали ее скромненько – «Софийское подворье».

* * *

Рядом же возвышается пресимпатичнейшая колокольня церкви Софии Премудрости Божией, в честь которой, собственно, назвали набережную.

Но, несмотря на значимость этого храма, городские жулики его не обходили стороной. К примеру, газета «Московский листок» сообщала в 1889 году: «24 мая, из церкви св. Софии на Софийской набережной, во время совершения поздней литургии, неизвестно кем похищено серебряное кадило, висевшее на подсвечнике, стоящее 50 рублей».

Не состояние, конечно, но и не плохие, в общем, деньги.

Ягодный торг на Болоте

Болотная площадь известна с XV века.

А на противоположной стороне так называемого острова – площадь, некогда носившая имя художника И. Репина, а в 1993 году переименованная в Болотную – ей возвратили старое, дореволюционное название.

В 1727 году сюда – с центральной, Красной площади – перенесли место публичных казней. А в 1775 году на этом месте был казнен главный бунтарь Е. Пугачев.

А. Т. Болотов писал об этом достопамятном событии: «Москва съезжалась тогда смотреть сего злодея, как некоего чудовища, и говорила об нем... Эшафот воздвигнут был четырехсторонний, вышиною аршин четырех и обитый снаружи со всех сторон тесом и с довольно просторным наверху помостом, окруженным балюстрадой. Посреди моста воздвигнут был столб с воздетым на нем колесом, а на конце утвержденною на него железною острою спицею. Вокруг эшафота сего в расстоянии сажен на двадцать поставлено было кругом несколько виселиц, не выше также аршин четырех, с висящими на них петлями и приставленными лесенками. Мы увидели подле каждой из них палачей и самых узников, назначенных для казни, держимых тут стражами.

Не успела колесница подъехать с злодеем к эшафоту, как схватили его и, взведя по лестнице наверх, поставили на краю восточного его бока. В один миг наполнился тогда весь помост множеством палачей, узников и к ним приставов, ибо все наилучшие его наперсники и друзья должныствовали жизнь свою кончить вместе с ним на эшафоте, почему и приготовлены были на всех углах оного плахи с топорами. Подле самого ж Емельки Пугачева явился тотчас секретарь, с сенатским определением в руках, а пред ним, на лошади верхом, бывший тогда обер-полицеймейстером г-н Архаров.

Как скоро все установилось, то и началось чтение сентенции приговора. Но нас занимало не столько слышание читаемого, как самое зрелище на осужденного злодея. Он стоял в длинном нагольном овчинном тулупе почти в онемении и сам вне себя и только что крестился и молился. Вид и образ его показался мне совсем не соответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на зверообразного какого-нибудь лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклокоченные, и весь вид ничего не значащий и столь мало похожий на покойного императора Петра Третьего».

А после началось самое страшное: «Как скоро окончили чтение, то тотчас сдернули с осужденного на смерть злодея его тулуп и все с него платье и стали класть на плаху для обрубания, в силу сентенции, наперед у него рук и ног, а потом и головы. Были многие в народе, которые думали, что не воспоследует ли милостивого указа и ему прощения, и бездельники того желали, а все добрые того опасались. Но опасение сие было напрасно: преступление его было не так мало, чтоб достоин он был помилования. Со всем тем произошло при казни его нечто странное и неожиданное, и вместо того, чтоб, в силу сентенции, наперед его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палач вдруг отрубил ему прежде всего голову, и Богу уже известно, каким образом это сделалось: не то палач был к тому от злодеев подкуплен, чтоб он не дал ему долго мучиться, не то произошло от действительной ошибки и смятения палача.

В тот момент пошла стукотня и на прочих плахах, и вмиг после того очутилась голова Пугачева взоткнутая на железную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавый труп лежащими на колесе. А в самую ту ж минуту столкнуты были с лестниц и все висельники, так что мы, оглянувшись, увидели их всех висящими и лестницы отнятые прочь. Превеликий гул от аханья и восклицания раздался тогда по всему множеству народа.

Надлежало потом все части труп сего изверга развозить по разным частям города и там сжигать их на местах назначенных, а потом прах рассеивать по воздуху».

Князь А. А. Вяземский (генерал-прокурор Сената) рапортовал Григорию Потемкину: «Вчерашнего числа в одиннадцать часов утра действие исполнено... Пугачев был в великом раскаянии, а Перфильев и Шигаев толиким суеверием и злобою заражены, что и после увещания от священника не согласились приобщиться. Перфильев же и во время экзекуции глубоким молчанием доказывал злость свою, однако, увидя казнь Пугачева, смутился и оторопел.

Таким образом, совершилось наказание злодеям, и завтрашнего дня как тела, так и сани, на которых везен был Пугачев, и эшафот – все будет сожжено».

Впрочем, власти сразу поняли, что с «действием» явно переборщили. Публичные казни в Москве были отменены, всякие упоминания о Пугачеве запрещены, а Екатерина Вторая советовала князю Вяземскому «Прошу быть весьма осторожными, дабы не ускорить и без того довольно грозящую беду... Ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокостей и умерение человеческому роду нестерпимого положения, то против нашей воли крестьяне сами свободу возьмут рано или поздно».

Возможно, если бы не это указание, то революция в нашей стране случилась бы гораздо раньше 1917 года.

* * *

Впрочем, еще в средние века Болото использовалось для публичных казней. В частности, во времена царевны Софьи здесь казнили некую Анфису, обвиняемую в умерщвлении своего супруга. Да не просто казнили, а страшной, мучительной казнью. Ее закопали.

На Болото бедную Анфису доставили, можно сказать, почетным образом – на розвальнях и с барабанным боем. Затем Анфису высадили – тоже, можно сказать, не без почестей. По крайней мере, в VIP-зоне – участок, на котором совершалась казнь, был огорожен. Правда, забор сделали невысоким – чтобы народ не мог вмешаться в дикий ритуал, однако мог его спокойно разглядывать. Яма-могила была уже вырыта, достаточно глубокая, однако неширокая – закапывали стоя.

Анфису выгрузили из саней, связали руки за спиной. Приказный прочел приговор: «По статье четырнадцатой главы двадцатой первой „Соборного Уложения“, в коей написано: а буде жена учинит мужу своему убийство или окормит его отравой, а сыщется про то допряма: и за то ее казнити – живую окопати в землю и казнити ее такою смертью безо всякия пощады, хотя будет убитого дети или иные кто ближние роду его того не похотят, что ее казнити; а ей отнюдь не дати милости и держати ее в земле до тех мест, покамест она умрет – великие государи цари и великие князья Иван и Петр Алексеевичи и царевна великая княжна София Алексеевна указали: казнити таковою смертною казнью женку Анфису Семенову за убийство мужа ее, торгового человека Андрея Викулова, по прозванию Тябота, дабы другим женкам, глядя на ту ее казнь, неповадно было так делати».

А им, пожалуй что, и вправду было неповадно. Этнограф Е. Карнович так описывал собственноручно казнь: «Палачи подтащили молодую женщину к самой яме и опустили ее почти до подмышек, как в мешок. Они взялись за заступы и живо закидали пустое пространство землею, которую потом плотно утоптали ногами. Над утоптаным местом виднелось бледное, искаженное ужасом лицо Анфисы, которая отчаянно мотала головою и двигала плечами, как будто силясь раздвинуть охватившую ее могилу и вырваться оттуда. Заметно было, что она хотела закричать или сказать что-то, но не могла, и губы ее только судорожно шевелились. Длинные и густые ее русые волосы от сильного движения головы разметались во все стороны и поприкрыли ей лицо.

Стоявшая около забора толпа, поглазевши некоторое время на молодую окопанную женщину, начала мало-помалу расходиться, а подле Анфисы стал на стражу с пищалью на плече

стрелец, обязанный смотреть, чтобы мученице, обреченной на медленную смерть, никто не дал напиться или поесть. В некотором расстоянии от Анфисы, прямо перед ее лицом, поставили подсвечник с зажженной восковой свечой».

Сколько мучилась несчастная Анфиса – неизвестно. Но, как правило, казненные подобным образом жили в земле примерно пару дней. И умирали, будучи вконец безумными.

* * *

Но со временем страшная слава площади забылась. Казни на Болоте ушли в прошлое, а площадь начали использовать гораздо более гуманным образом – под рынок.

Литератор Иван Белоусов писал: «В летние месяцы, когда начинают поспевать ягоды, Болотная площадь превращается в ягодный рынок. Подмосковные крестьяне привозят сюда целые возы клубники, крыжовника, смородины, вишни. Вишня, главным образом, привозится из местности около Воробьевых гор, где почти в каждой деревне есть большие вишневые сады».

Ягодный торг на Болоте был в первую очередь связан с вареньем. Купец Н. Варенцов сообщал: «Варка варенья была отрадным временем хозяек; как только ягоды появлялись в Москве, то хозяйки спокойствия не имели: вставали в два часа утра, отправлялись на ягодный рынок, находившийся на Болотной площади, куда подмосковные ягодники, помещики и крестьяне привозили на возах ягоды в решетках. 2—3 часа утра считались самыми выгодными для покупки ягод, так как в это время являлись на рынок представители крупных конфектных фабрик со своими приказчиками и закупали нужное им количество ягод и устанавливали на них цену. С оставшимся количеством непроданных ягод продавцы спешили скорее развязаться и были принуждены с некоторой уступкой продавать маклакам, которые и поднимали цену на ягоды и брали с явившихся на рынок позднее дороже».

Картина была сюрреалистичная. Один из современников писал: «Тухли последние звезды, восток разгорался желтовато-алым светом, и все яснее выступали возы и их владельцы. Теперь первые уже не казались одной сплошной, темной массой, вытянувшейся параллельно по лавкам, а можно было видеть каждый отдельно и различать лица их хозяев. Спокойное равнодушие, усталость и ночная сонливость сменились тревогой и озабоченностью. Очевидно, их волновало начало торга, потому что от цен, устанавливаемых в чайной Афанасьева (чайная располагалась здесь же, на Болоте, и использовалась как своего рода ягодная биржа. – А.М.), зависела удача долгой и утомительной поездки от родного села до Москвы».

«Московский листок» сообщал: «Сколько я ни разговаривал с торговцами, и на Болоте, и потом в Охотном, ни один из них не мог мне объяснить, почему торг должен происходить непременно ночью.

– Обычай такой, – отвечают одни уклончиво.

– Со старины так повелось, – говорят другие.

– Ночку темную выбрали себе в пособницы! – смеялся мне один торговец.

– А знаете, кому она бывает пособницей?

– Разбойникам, что ли-с?

– Вроде того!

– Мы, положим, не разбойники, а народ Божий, да и трудимся достаточно. Вы вот ночку-то спать изволили, а мы трепались, да только к шести домой вернулись. Тоже оценить это надо!..

Солнце поднималось все выше и выше. Первые лучи его скользнули по площади, и, как по волшебству, все разом ожило, стало красивым и веселым. Загорелись яркими красными бликами решета с малиной, рядом с ними вишни различных сортов и разнообразнейших оттенков, дальше бледно-зеленая прозрачная смородина, рядом черная, крупная как дробь. Затем крыжовник зеленый английский, весь покрытый усиками, красный варшавский, и, наконец,

мелкий виноградный. Все это в таком громадном количестве, что можно подивиться объему и аппетиту московского чрева, проглатывающего ежедневно эти дары Болота, – так, между прочим, как лакомство и пустую забаву... Чем выше поднимается солнце, чем сильнее и ярче разгорается день, тем бойче и ожесточеннее кипит торговля. В воздухе стоит слабый ароматный запах ягод, смешанный с запахом сена и дегтя; говор толпы переливается живым потоком, около некоторых телег почти не протолкаешься. Цифры, божба и ругань, клятвы и остроты – все это перемешивается, подхватывается и разносится по площади. Положительно какая-то торопливая, лихорадочная деятельность, которая, трепеща, должна закончиться с полным восходом солнца».

Ничего не поделаешь – рынок.

* * *

Мемуаристка В. Харузина в красках описывала ритуал приобретения ягод: «Варка варенья – это было вообще целое священнодействие, начиная с покупки ягод на Болоте. Раном утром отправлялась туда Любовь Петровна (экономка. – А.М.), взяв с собой на подмогу кого-нибудь из женской прислуги. Шла она пешком, шествовала неторопливой, размеренной походкой, выступая величественно, прямая, как всегда. Приходила вовремя, спозаранку, когда выбор бывал еще обеспечен. У нее были знакомые торговки, но она считала долгом обойти все ряды, поглядеть у всех товар, прицениться. Роняя немногосложные слова, она упорно сбивала цену; иногда медленным движением, как бы снисходя, брала с лотка или корзины ягоды две-три и „пробовала“, иногда неприятным голосом осведомляясь: „Нет ли закрасы?“ Наконец останавливала свой выбор, всегда удачно, и, удалившись степенно с рынка с пятью или шестью решетками ягод, она брала извозчика, упорно, непреклонно торгуясь с ним, и, прямая, как стрела, воссаживалась на пролетку, больше заботясь не о своем удобстве и удобстве спутницы, а о том, чтобы не помять ягоды».

А затем – сладостный ритуал приготовления варенья: «Дома надо было как можно скорее организовать чистку ягод: требовалась мобилизация всех свободных женских рук среди прислуги, надо было достать блюда, тарелки, миски, и при ее щепетильном требовании порядка и чистоты, их, начисто вымытых, она приказывала еще раз сполоснуть и вытереть. Затем варка, которая лежала исключительно на ней. Вот я представляю себе: вошла она в кухню, на лице выражение человека, приготовившегося к важному делу. „Ну-с, – скажет, обращаясь к кухонному мужику, – Иван, готовы у вас тазы?“ Медные тазы с ручкой и без нее стоят готовые на поварском столе ей на выбор и горят жаром. Она подойдет, пересмотрит их, велит сполоснуть и вытереть чистым полотенцем, понюхает, нет ли какого постороннего запаха. Потом пойдет за нужными ей решетками, тарелками и прочим, все это расставит на столе в порядке, чтобы все было под рукой и ничему бы не мешало, „чтобы этого торгу тут не было“ (любимое ее выражение), и тогда только пойдет отмеривать стаканами сахар-песок. И, возвратившись с ним, принималась за варку и часами уже не отходила от горячей плиты, передвигая и то и дело снимая тяжелые тазы, применяя к каждой ягоде дознанный опытом метод варки, не думая об усталости, а только о том, чтобы варенье вышло совершенным во всех отношениях».

И – выходило.

* * *

А сегодня в центре этой площади – памятник Репину. Ни казней, ни азартной ягодной торговли, ничего азартного вообще. Памятник работы скульптора М. Г. Манизера открыт был в 1958 году, и, как и большая часть памятников той эпохи, он особенной оригинальностью не отличается. Бронзовая фигура в полный рост, с палитрой и кистями. Постамент прямоугольный из гранита.

Скучно.

Дом, где ходил идиот

Дом Куманиных (Большая Ордынка, 17) построен в начале XIX века.

Этот дом до революции принадлежал семье Куманиных. Они приходились родней Достоевским, и Федор Михайлович, будущий писатель, а тогда – всего лишь сын бедного доктора, бывал здесь в гостях у зажиточных родственников. Описание жилья Куманиных спустя десятилетие возникло в романе «Идиот» уже как описание рогожинского дома. В том романе князь Мышкин «отворил стеклянную дверь, которая шумно за ним захлопнулась, и стал всходить по парадной лестнице на второй этаж. Лестница была темная, каменная, грубого устройства, а стены ее окрашены красною краской. Он знал, что Рогожин с матерью и братом занимает весь второй этаж этого скучного дома. Отворивший князю человек провел его без доклада и вел долго: проходили они одну парадную залу, которой стены были „под мрамор“, со штучным дубовым полом и с мебелью двадцатых годов, грубою и тяжеловесною, проходили и какие-то маленькие клетушки, делая крючки и зигзаги, поднимаясь на две, на три ступени и на столько же спускаясь вниз, и наконец, постучались в одну дверь».

До сих пор в правом крыле куманинского дома можно видеть перепады в рядах окон – следы тех самых спусков и подъемов, которые с раннего детства запомнил впечатлительный Федор Михайлович. Хотя дом перестроен до неузнаваемости.

* * *

Кроме того, дом этот более всех прочих в городе Москве связан с именем Анны Андреевны Ахматовой. Именно это здание чаще других в Москве давало приют знаменитой ленинградке. Именно здесь в 1989 году вывесили мемориальную доску в классическом перестроенном духе – крест (непонятно, то ли православный, то ли католический) и надпись прямо на кресте, в лучших кладбищенских традициях: «В этом доме в 1938—1966 годах, приезжая в Москву, подолгу жила и работала Анна Ахматова».

Она останавливалась на квартире у писателя Виктора Евгеньевича Ардова и его супруги Нины Антоновны Ольшевской. Говорят, что Маяковский, проходя мимо окон Нины Антоновны, обычно говорил:

– Здесь живет самая красивая женщина Москвы.

Нина Антоновна с Анной Андреевной были давнишними подругами.

Когда приезжала Ахматова, жизнь в доме преображалась. Борис Викторович Ардов вспоминал: «Что греха таить, на Ордынке рассказывалось всякое. Но над столом и самим разговором зачастую высилась величественная фигура Ахматовой, а при ней никому и в голову не могло бы прийти сказать какую-нибудь непристойность».

Тон за столом задавала, конечно, Ахматова. В первую очередь своими шутками – утонченными и грубоватыми одновременно.

Хозяин, естественно, тоже любил хорошую, добрую шутку. К примеру, говорил гостям во время ужина:

– Граждане, прошу не расходиться – у меня пропала ложка.

– Как часто мне приходится не расходиться, – ответила как-то Ахматова.

Кто-нибудь из гостей хвалил напитки:

– Превосходное вино. Кахетинское номер восемь. Цена четырнадцать рублей.

– Мне за строчку перевода платят пятнадцать, – говорила Ахматова.

И получала в ответ:

– Ну вот, даже и рифмовать не надо, чтобы купить такую бутылку.

Разбирала многочисленные письма почитателей. Большинство начиналось со слов: «Вы, конечно, удивитесь, что вам пишет незнакомый человек».

– Как они себе это представляют? – недоумевала Ахматова. – Мне пишут уже пятьдесят лет, и я каждый раз должна удивляться?

Многие известные писатели бывали здесь. И многие одаривали и хозяев, и гостей экспромтами. Вот, например, однажды Зощенко, скучая, разглядывал фотоальбом, в котором мелькнул вдруг снимок двух накачанных спортсменов в легкомысленных трусах.

– Этот думает: дай, думает, сниму штаны... И этот: дай, думает, и я сниму.

Впрочем, шутки здесь подчас бывали очень даже горькими. Михаил Ардов вспоминал: «Ардов (глава семейства, отец Михаила. – А.М.) – сидит на своем кресле в столовой, прихлебывая чай, и просматривает газеты.

– Послушай, – говорю я ему, – сегодня 22 июля, ровно год со дня смерти Зощенки. В приличной стране уже бы начало выходить полное собрание сочинений.

– В приличной стране, – отзывается отец, – он был бы еще жив».

Впрочем, иной раз «жертвой» становился сам отец семейства, Виктор Ардов: «Ардов при всей своей долгой жизни никогда не курил и не пил. Причиной тому в большой степени была его врожденная болезнь – порок сердца. А потому он никогда не мог, не умел отличить пьяного человека от трезвого. Разумеется, если этот пьяный более или менее стоял на ногах.

Как-то раз, когда нас с братом не было, на Ордынку забрели два наших приятеля. Были они в сильном подпитии, но отец, как всегда, этого не заметил. А тут, как на грех, перегорела в столовой лампочка, и Ардов попросил пришедших молодых людей ее заменить.

Те принесли стремянку, стали устанавливать ее под люстрой с нарочитым старанием и массой лишних движений. Потом один из них полез наверх, другой принял у него перегоревшую лампочку и подал новую... Но все это так неловко, что одна из них упала на пол и разбилась...

Ардов, который с недоумением наблюдал за действиями своих гостей, воскликнул:

– Вы что, клоуны?!...»

И все тот же М. В. Ардов приводил примеры специфического «ордынского» юмора: «Мы, как всегда, сидим в своей «детской» комнате, выпиваем и шутим. Среди нас сегодня Анатолий Найман, он только что выписался из больницы, из кардиологии, так что пить ему нельзя. Но шутить – сколько угодно.

– А хотите, – говорит он, – я вас познакомлю с медицинскими сестрами из своей больницы?.. Там чудные девушки-медсестры.

– Толя, – говорит один из нас, – познакомьте нас с медицинскими сестрами. Мы их будем «любить, как сорок тысяч братьев»...

У нас ценились именно такие шутки».

Но главным, так сказать, героем на квартире Ардовых была все же Ахматова.

* * *

Именно в этой квартире Анна Андреевна принимала гостей. Здесь ее навещал Солженицын. Здесь состоялась ее весьма странная встреча с Мариной Цветаевой.

Инициатива той встречи принадлежала самой Анне Ахматовой. Реакция Цветаевой ее довольно сильно удивила: «Я позвонила. Она подошла.

– Говорит Ахматова.

– Я вас слушаю.

(Да, да, вот так: она меня слушает)».

Впечатления Ахматовой об историческом свидании были не более лестны по отношению к Марине Ивановне: «Она приехала и сидела 7 часов».

Однако, по воспоминаниям хозяина, Анна Андреевна перекрестила гостью на прощание.

Возможно, кстати, что натянутость той встречи объяснялась не одним лишь сложным отношением друг к другу двух великих поэтесс, а еще и более материальными причинами. Надежда Мандельштам в «Книге второй» писала: «...сидя на скамейке в церковном садике на Ордынке, куда мы с Ахматовой убегали для разговоров, которые боялись вести в квартире у Ардовых...» Этот фрагмент, конечно, грубо вырван из контекста, но его достаточно, чтобы понять: Анна Андреевна и вправду опасалась, что квартира Ардовых прослушивается. И соответственно, беседу двух полуопальных поэтесс следовало вести предельно аккуратно.

Во всяком случае, сама Ахматова Цветаеву весьма ценила. И за год до первой встречи в доме Ардовых посвятила ей стихотворение «Поздний ответ»:

Невидимка, двойник, пересмешник...
Что ты прячешься в черных кустах?
То забьешься в дырявый скворешник,
То блеснешь на погибших крестах...
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной!
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом...»
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полночной идем,

И потому эта странная встреча – одна из московских загадок.

Большой купол

Церковь Всех Скорбящих Радости (Большая Ордынка, 20) построена в два этапа. Колокольня и трапезная построены в 1791 году по проекту архитектора В. Баженова, а алтарная ротонда с куполом построена в 1833 году по проекту архитектора О. Бове.

Монастыри и храмы в серии «Прогулки по старой Москве» упоминаются редко. А если и упоминаются, то коротко. Причина в том, что храмовая жизнь подчинена уставу, единообразному, почти что не меняющемуся на протяжении столетий. Следовательно, не много с ними связано затейливых и озорных историй. Нет, в жизни, разумеется, они случались, и довольно часто. Но участники этих историй, разумеется, старались не особенно их афишировать. Вот и получилось так, что в письменных источниках жизнь храмов предстает довольно монотонной.

Но мимо этой церкви пройти очень трудно. Ведь она – своего рода визитная карточка улицы Большой Ордынки. И самая эффектная на ней постройка.

Впервые этот храм упоминается в 1571 году. Он, правда, тогда назывался иначе – Варлаама Хутынского. Но в 1688 году Москва была потрясена событием, которому сразу присвоили почетный статус чуда. От находившейся в той церкви иконы Всех Скорбящих Радости исцелилась вдова Евфимия Аникеева, сестра патриарха Иоакима. Не ходила, не ходила – а тут вдруг встала и пошла (по другой версии – исцелилась от незаживающей раны в боку). Таким образом храм получил свое новое имя – по чудотворной иконе.

* * *

Храм этот пользовался репутацией неоднозначной. В. Харузина писала в мемуарах: «Почему же под влиянием Анны Мартыновны мы так равнодушно, более с осуждением относились к красивым Мадоннам... и их искусственным позам в церкви Всех Скорбящих Радостей на Большой Ордынке? Почему мы говорили, что в этой церкви нельзя молиться, и сама тетя находила ее холодной и предпочитала ходить в маленькую церковь Покрова, быть может, на Малой Ордынке? А теперь эта церковь мне нравится своей стильностью, красотой, величавостью. Теперь я могу уже видеть в ней отражение целой эпохи, чуждой нам по духу, но привлекающей нас своей цельностью, определенностью. Тогда формы Empire еще тяготили; к ним нельзя было отнестись справедливо и беспристрастно, потому что они стояли еще слишком близко, еще угрожали свободе новых веяний в искусстве».

Все было очень серьезно: «Тетя считала необходимым ходить к службам в свой приход и потому водила нас к Скорбящей Божьей Матери. Но она не любила этого храма. Не нравился он и Анне Мартыновне. Я уже говорила, как удивительно в то время не понимали красоту этого замечательного памятника Empire. Тете не молилось хорошо в этом торжественном, слишком светлом и парадном храме. Для нее и образов в нем было мало. Действительно, выделялись только иконы Божьей Матери, Всех Скорбящих Радостей и святого Варлаамия Хутынского, к которым надо было подходить по ступенькам красивой мраморной лестницы, да еще большая икона Казанской Божьей Матери».

Иконы тоже, разумеется, не впечатляли.

* * *

В 1930-е церковь закрыли. К счастью, разместился здесь запасник Третьяковской галереи, и, разумеется, искусствоведы и научные работники старались сохранить доставшийся им памятник архитектуры. И уже в 1948 году, на волне послевоенного патриотизма храм вновь был освящен. И в скором времени, благодаря своему регенту Н. В. Матвееву, сделался сво-

его рода культурным центром для интеллигенции Москвы. Особенно для тех жителей города, которые неравнодушны к музыке. Мало того, что он собрал прекрасный хор, так еще и устраивал своего рода «тематические выступления». В частности, в дни рождения Рахманинова и Чайковского здесь исполнялись литургии именно этих авторов. Послушать певчих храма на Ордынке забредали в том числе и люди, совершенно не религиозные. Многие через это приходили к вере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.